

Габриелян О.А.

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ФИЛОСОФСКОМ
ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ. Рецензия на монографию:
Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох
и цивилизаций : монография / М. В. Масаев. – Симферополь : ДОЛЯ, 2011. – 512 с.**

Те, кому не безразлична история, ее скрытый смысл и логика, современные события “прочитываемые”, декодируемые этой логикой, найдут рецензируемую книгу крайне интересной. Автор, безусловно, удачно, схватил ключевые слова не только современной философии истории и философии культуры, но и самой современности, как исторической реальности, и постарался подвергнуть все это философской рефлексии. Такие труды изначально обречены на широкий фактологический охват. В этом их сила, но и слабость. Широта исторического охвата позволяет выявить тенденции и закономерности, оперировать фактами самого широкого спектра: политическими, экономическими и культурными. Но это оборачивается подозрением на искусственность подбора самих фактов и формирования теории ad hoc. Собственно оставаясь в рамках самой философии истории, невозможно опровергнуть никакую концепцию. Только ее объяснительная успешность, но главное прогностические возможности определяют значимость такой теории. Примеры, таких всех значимых теорий М.В.Масаев приводит с избытком на страницах своего исследования.

Автор предлагает, безусловно, оригинальную концепцию философии истории – парадигмальных образов и символов. После “Заката Европы” О.Шпенглера и “Философии символических форм” Э. Кассирера – это, конечно, самонадеянно, но, тем не менее, резоны М.В.Масаева могут быть приняты и мы готовы признать новизну его концепции.

В методологии исследования М. В. Масаев исходит из тезиса В. И. Вернадского о том, что ни одно философское учение не может быть признано единственно истинным. «Мы должны считаться, – писал В. И. Вернадский в известных «Философских мыслях натуралиста», – с существованием множества более или менее независимых, разнообразных, сходных и несходных, противоречащих философских систем и концепций, огромная часть которых не имеет последователей, но всё же ещё может влиять на жизнь...». Это влияние возможно даже если среди этих концепций будут философские системы «резко противоречащие, исключают друг друга»..., «положительные и отрицательные, оптимистические и пессимистические, мистические, рационалистические и «научные» (с. 9). При этом автор не испытывает ко всем этим философским концепциям чувства гносеологического оптимизма. Тем не менее, автор, вслед за Г. Г. Шпетом, считает, что в рассуждениях философов разных поколений и школ можно обнаружить истинные мысли относительно отдельных аспектов вещей. Мы бы не остановились на рассуждениях В.Вернадского и Г.Шпета, если бы автор не использовал этот прием освящения философских трюизмов именами выдающихся ученых крайне часто. Вторая ловушка, которую автор не избежал, это другая крайность – обращение к фактам и именам, которые по масштабу исследования не могут быть привлечены. Здесь можно применить очень простую процедуру. Переведите текст на английский язык, для широкой научной общественности и она точно не поймет многие пассажи монографии. Третья ловушка – это модификация известных концепций под свои исследовательские нужды. В этом нет ничего недопустимого только в том случае, если самим автором на этой базе выстраивается оригинальная теоретическая конструкция, то есть своя методология. Собственно на нее и претендует сам М.В.Масаев. Если первые две ловушки технологические, то последняя теоретическая, и она требует дальнейшего прояснения в виде четко изложенной концепции.

В частности, остается методологически неясным разделение образа и символа, при, практически признаваемым автором, тождестве символа и симулякра. Какую методологическую нагрузку несет парадигмальный характер образа? Может быть не стоило преумножать число сущностей и для авторской методологии исследования вполне хватило бы такого концепта как символ? Эти вопросы остались бы риторическими или вообще бы не возникли, если бы четкий характер целей и задач исследований продолжился бы операционализацией понятий, изложением базовых принципов и методов исследования, что позволило бы ясно сформулировать методологию исследования, а не растянуть ее на все 510 страниц монографии. Последнее обстоятельство сделало задачу читателя крайне сложной, превратив его в со-исследователя и не факт, что он адекватно воссоздаст концепцию М.В.Масаева.

Отмеченные ловушки, которых не избежал автор, отнюдь не умаляют значимость исследования. В известной степени они обусловлены и тем, что мы действительно перед terra incognita. Здесь трудно не согласиться с М.В.Масаевым, если иметь в виду новый парадигмальный символический подход в осмыслении философии истории. Особенность интриги работы в том, что есть реальная возможность понять наше бурное настоящее: “Если историки переписут историю человечества, разобравшись в универсуме реально существующих символов, а не исходя из сиюминутных установок..., то философы ... более адекватно решат вопрос о месте человека в ней, о смысле его существования, о том, какое время переживает человек сейчас, свой звездный час или последний миг” (с.9).

Методология исследования М. В. Масаева учитывает концепцию западно-восточного исторического мегацикла, фазами которого выступают то западная, то восточная мировая цивилизационная доминанта.

Эта методология исходит из того, что ещё не исчерпали себя ни формационный подход (не случайно исследуются образы и символы эпох), ни цивилизационный подход (не случайно исследуются образы и символы цивилизаций). Автор считает, что незаслуженно игнорируется подход школы символического интеракционизма о том, что человек, в отличие от животного, у которого в поведении преобладают инстинкты, создаёт символ как специфически человеческий регулятор поведения. Кроме того, М.В. Масаев полагает также весьма существенным моментом использование интервальной методологии профессора Ф. В. Лазарева.

Исследуя проблему парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций как категорий философии истории, автор приходит к выводу, что не одни только экономические условия определяют ход исторического развития, что борьба за экономическую и политическую власть сопровождается борьбой за власть символическую. Об этом писал ещё Пьер Бурдьё. Здесь следует отметить, что на удивление вне авторского внимания остается собственно политическая и культурная антропология, о которой он, по сути, и пишет.

В событиях последних десятилетий: гибель СССР и крах мирового социализма, «цветные» революции на Украине, в Грузии и Киргизии – автор увидел эпизоды символических войн, борьбы за символическую власть и символический капитал. Причём в монографии это описано весьма убедительно и доказано обилием фактического материала.

Концепция автора подтверждается крупными событиями мировой истории: гибель такой цивилизации как Дешт-и-Кипчак, такого государственного образования как «Священная Римская империя», такого государства как царская Россия, а также событиями более мелкого масштаба.

Автор доказывает, что Карл Маркс сумел дать блестящий анализ событий истории Франции середины XIX столетия в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» с учётом «власти символов».

С помощью концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций автор доказывает существование русского государства в V веке, которое пало под ударами готов и гуннов и возродилось лишь в IX веке. Интересно доказательство М. В. Масаевым того, что автором «Слова о полку Игореве» является шурин князя Игоря князь Владимир Ярославич Галицкий, представленный в официальной версии, закреплённой в опере А. П. Бородина «Князь Игорь» как гуляка и пьяница. Как эпизоды борьбы за символическую власть трактует М. В. Масаев и «Катынское дело», и деятельность таких выдающихся личностей как Ганнибал, Луций Корнелий Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, Наполеон и Шарль де Голль. На наш взгляд, здесь много спорного и только прогностические возможности предложенной концепции могут определить ее состоятельность.

Интересны гипотезы автора о генезисе символа, происхождении человеческого сознания и человека вообще, но это требует ещё дополнительного изучения и оценки конкретных узких специалистов о чем пишет сам автор.

М. В. Масаев сумел доказать, что история и политика повелительно требуют от практической философии исследовать такой фактор исторического процесса как символ.

Но историю и политику волнует не символ вообще. С этим разбирались и символические интеракционисты (достаточно здесь назвать Дж. Г. Мида и Тамотсу Шибутани), а также, уже упомянутого, Эрнста Кассирера. О том, что символ – «врата истины», писал в «Забытом языке» Эрих Фромм (Фромм Э. Забытый язык // Фромм Э. Душа человека. – М., 1992). Но символом занимаются до сих пор преимущественно в рамках философии культуры и языкознания. Здесь уместно упомянуть труды А. Ф. Лосева: «Проблема символа и реалистическое искусство» (М., 1976), «Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию» (М., 1982). С культурой связаны работы Ю. М. Лотмана: «Символ в системе культуры» (Таллин, 1992), М. Мамардашвили и А. Пятигорского: «Символ и культура (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке)» (Иерусалим, 1982), Г. Шпета: «Эстетические фрагменты» (М., 1989), А. Белого: «Символизм как миропонимание» (М., 1994). Претендующий на всеобщий подход к символу К. Юнг по сути сводит свою «символогию» к культуре и религии: «Человек и его символы» (СПб., 1991), «Попытка психологического истолкования догмата о Троице. Символ превращения в мессе» (М., 1995). Эрнст Кассирер при том, что он указал на то, что историк имеет дело с миром символов, всю свою «символогию» основывает на культуре. Он считает культуру квинтэссенцией человеческого существования и связывает её содержание с формообразующими принципами и системами символов. Символ понимается им как форма самопознания человеческого духа, имеющая разные проявления: язык, миф, искусство, наука и т. п. Отсюда важнейшей функцией культуры становится информационно-коммуникативная, с помощью которой происходит сохранение и передача символов культуры от поколения к поколению, от этноса к этносу. Благодаря символам человек имеет дело уже не с реальностью, а с «вселенной символов», созданной его деятельностью в культуре. Он начинает существовать в собственном, порождённом его символическим творчеством идеальном мире. Вот почему Э. Кассирер определяет человека как «животное, созидающее символы».

Парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций нет ни у Э. Кассирера, ни у пропагандировавшего его труды в СССР, ныне проживающего в Швейцарии К. А. Свасьяна: «Проблема символа в современной философии: (критика и анализ)» (Ереван, 1980 г.) и «Философия символических форм Э. Кассирера: критический анализ» (Ереван, 1989 г.). Но и у К.А.Свасьяна символ как категория философии истории остался за пределами его вышеупомянутых работ.

М.В.Масаев считает или, по крайней мере, подталкивает читателя к мысли о некоей недостаточности вышеотмеченных работ по философии культуры только на том основании, что в них размыт фокус на истории. А время общества переходного периода настоятельно требует осмысления образов и символов в качестве категорий, именно, философии истории. И не любых образов и символов, а парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Это и определяет важность избранной М. В. Масаевым темы, а потребности современного исторического процесса и текущей политики подчёркивают её актуальность.

Как считает М.В. Масаев – и историкам, и политикам, да и всем гражданам нужна социально-философская категория для осмысления судьбоносных событий. И такой категорией может быть парадигмальный символ эпохи. «Историк, также как и физик, – пишет Эрнст Кассирер, – живёт в материальном мире. Однако то, с чем он имеет дело, начиная исследование, – это не мир физических объектов, а символический универсум – мир символов. Мы должны научиться, прежде всего, понимать эти символы. Любой исторический факт, как бы он ни был прост с виду, должен, прежде всего, определяться и пониматься в рамках этого предварительного анализа символов» (Кассирер Эрнст. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Эрнст. Избранное. Опыт о человеке. – Москва.: Гардарика, 1998, с. 647.). Без такого предварительного анализа символов невозможна история как эйдетическая феноменология прошлого, а дискурс историка, по словам В. П. Старжинского и А. С. Табачкова, всегда рискует оказаться лишь перешедшей (и этим, кстати, нарушившей её целостность) трансвременную и трансбытийную границу реинкарнацией какого-нибудь симулякра идеологического генезиса...» (см.: Старжинский В. П., Табачков А. С. История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого // Вопросы философии. – 2010. – № 1, с. 38-39). Без такой категории как символ нельзя адекватно постигать историю.

Следует только оговориться, что доказательства того, что «симулякры идеологического генезиса» могут срабатывать как символы, которые чётко соотносятся с реальностью, широко представлены в тексте монографии. Так что существенного различия, по большому счёту, как представляется автору, между символами и симулякрами нет. У Ж. Бодрийера, правда, зарождение капитализма приводит к замене символических отношений товарно-денежными (См.: Сухович Е. В. «Символ» и «симулякр»: параллели между Ж. Деррида и Ж. Бодрийером // Материалы III Международной научно-теоретической конференции «Социально-политические и культурные проблемы современности». – Симферополь: ДИАЙПИ, 2010, с. 715). Но деньги, пишет М.В. Масаев – это тоже символ. Они остаются символом самим по себе, даже если теряют стоимость, то есть, превращаясь в симулякр, что мы видим на примере доллара США.

В монографии не затрагивается проблема отчуждения образа в символе. Но категорию отчуждения вряд ли стоит возводить в абсолют, тем более, что в соотношении образа и символа речь идёт скорее об инобытии образа в символе, а не об отчуждении образа в символе. Вопросы о точке бифуркации образа в символ и об отчуждении образа в символе прослеживаются в тексте монографии, однако более подробное их рассмотрение автор оставляет до того времени, когда жизнь властно заявит об их актуальности. С таким подходом можно было бы согласиться, если бы автор не вынес эти два ключевых понятия в название монографии. Не спасает положение и обещание М.В.Масаева при первом же ударе «набатного колокола» отнестись и к этому вопросу с такой же серьёзностью, как и к прочим затронутым в монографии (с. 15).

В целом исследование М. В. Масаева является серьёзным вкладом в философское осмысление исторических событий, изложенная в ней концепция парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций не просто интересна, но и достаточно убедительна, научно обоснована и имеет право на дальнейшее применение в теории и практике подобных исследований.